

Идеологи трансгуманизма считают, что цель совершенствования – совершенствование человеческого тела в процессе эволюции, создание совершенного человека, способного преодолеть порог смерти. Цель обусловлена правилами, осуществляется средствами, опирающимися на технологические приемы в области телесности человека (создание искусственного интеллекта, «идеального ребенка», выраживание детей (от зачатия до момента рождения) в искусственной матке (эктогенез), бессмертие (границы жизни отсутствуют) или вне-смертие (границы жизни не определены). Таким образом, совершенный человек преодолевает порог бессмертия посредством телесного преобразования человеческой сущности. Человек «превосходит себя, осознавая новые возможности для своей человеческой природы» [2].

Л.Н. Толстой рассматривает целомудрие как идеал точности человеческой природы в ее телесно-духовной взаимосвязи. Идеал, с его точки зрения, недостижим, в силу чего невозможно уничтожение человеческого рода. Однако нравственный идеал способствует духовно-нравственному росту человечества, его движению к совершенствованию.

Анализ этического гуманизма Л.Н. Толстого и современного трансгуманизма показал, что современный трансгуманизм в его культурном измерении претендует на продолжение традиций этического гуманизма (Л.Н. Толстой), что определяется целями совершенствования человека. Одновременно, трансгуманизм декларирует новые подходы, связанные с изменениями традиционной аксиологии и этики. Как показывает опыт, новая этика трансгуманизма есть «тренд веры в технологии», который «будет постепенно сменяться именно гуманизмом, т.к. он предполагает развитие мотивационно-потребностной сферы человека» [4].

Литература:

1. Толстой Л.Н. Крейцера соната. Послесловие. // Полное собр. соч. в 90 тт. М.-Л., 1928. Т. XII.
2. Хаксли Дж. Новые бутылки для нового вина. Лондон: Chatto & Windus, 1957.
3. Глобальное Будущее 2045 Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.
4. Долгицкий О. За рамками биологической эволюции. URL: https://vk.com/wall4486736_9475
5. Шпитцер Манфред Антимозг. Цифровые технологии и мозг / Пер. Гришина А.Г. М., Изд-во ООО АСТ, 2014. 288 с.
6. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. 2. С.91-105.

Мусс Александр Игоревич

к. филос. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА КАК МЕДИАТОР КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Во многих аспектах современное знание направляет себя к этическим вопросам. Подобная ситуация не обошла стороной и проблему сознания. Уже в работах, опубликованных в первой половине 2000-х годов В.М. Аллахвердов [2003] пишет о том, решение проблемы сознания подразумевает этическую проблему – свободен ли носитель сознания в своих решениях или детерминирован.

Однако этика как фундаментальная область поднимает здесь и другие вопросы, и, более того, как мне кажется, может служить одним из возможных медиаторов (наряду с психологией) между континентальной философией сознания, включая феноменологию с одной стороны, а также с нейрокогнитивными науками и философией сознания в аналитической традиции с другой.

Вопрос тут не столько в свободе или детерминизме конкретного разума, поскольку и феноменологическая перспектива от первого лица [Brentano, 1874], и сознание как осведомленность (awareness), исполнительные функции (executive functions) подразумевают некоторую субъектность того, что остается по ту сторону субъективного опыта, одновременно включаемую в цепочку причинно-следственных связей, что исторически больше соответствует идеям Б. Спинозы [2001].

Большой проблемой здесь оказывается даже не абстрактная субъектность от первого лица, но конкретный взгляд человека, обладающего сознанием и разумом на нечто отличное от себя, например, на чат-бота, на летучую мышь или на другого человека, и то, что этот активный взгляд порождает в попытках постичь Другого.

Иными словами, из-за того, что наш субъективный опыт принадлежит только нам, в то время как чужой для нас опыт остается недоступен, субъектность, обладание разумом другого становится для нас серьезным вопросом, особенно если вспомнить то, насколько мы подвержены социальным стереотипам, насколько мы можем приписывать человеческие черты, например, домашним животным, и насколько мы можем ошибаться, пытаясь отличить живого собеседника от компьютерной программы.

Это то, что может проявляться в наших ежедневных практиках, когда в общении мы придерживаемся формального взаимодействия, игнорируем переживания и поведение собеседников или в случае, если мы пытаемся силой удержать на коленях кота, который этого не хочет. Иными словами, такое понимание субъективного опыта и субъекта, близкое, скорее, континентальной философии оказывается более укорененным в нашу собственную жизнь, а взаимодействие с другим при равных условиях (доступность своего и недоступность чужого опыта) разворачивается во взаимодействие, при котором этические вопросы в смысле вопросов уместного поведения и взаимодействия встают постоянно. Такой же подход может работать в случае, если мы представляем субъективный опыт и его носителей обезличенно, предполагая, как минимум, эквивалентные возможности их взаимодействия.

Таким образом, именно этическое измерение в смысле допустимого поведения при взаимодействии может оказаться той самой нейтральной территорией где формальное высказывание о сознании аналитического философа может встретиться с интересубъективной перспективой континентального философа.

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
2. Спиноза Б. Этика. М: Аст, 2001.
3. Brentano, F. (1874). *Psychologie vom empirischen Standpunkt*. Duncker und Humblot.

Мясников Андрей Геннадьевич

д.филос.н., профессор

Пензенский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ИМПЕРАТИВА НЕНАСИЛИЯ В СИТУАЦИИ АДАПТИВНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

I. Современная эпоха гибридных конфликтов актуализирует проблему ненасилия как одну из ключевых для практической философии и самой жизненной практики людей. Включенность большинства людей в экстремальные ситуации выживания размывает строгие границы императивных запретов (на насилие, обман, захват чужого имущества и др.) и релятивирует базовые моральные ценности, подчиняя их прагматическим соображениям. При этом ценность выживания (прежде всего, коллективной безопасности), несомненно, выходит на первый план и становится доминирующей практической установкой.

В такой ситуации категорический запрет на насилие предстает в качестве романтического идеала и не признается даже большинством христианских священнослужителей, которые готовы оправдать его ради национально-государственных интересов.